

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> приятного чтения!

Пучина. Александр Николаевич Островский

СЦЕНА I
ЛИЦА:

Кирилл Филиппыч Кисельников, молодой человек, 22 лет.

Антон Антоныч Погуляев, студент, кончивший курс, 21 года.

Пуд Кузьмич Боровцов, купец, 40 лет.

Дарья Ивановна, жена его.

Глафира Пудовна, их дочь, 18 лет.

Луп Лупыч Переярко, чиновник.

Ион Ионович Турунтаев, военный в отставке.

Гуляющие обоего пола.

Нескучный сад. Луг между деревьями; впереди дорожка и скамья; в глубине дорожка, за дорожкой деревья и вид на Москву-реку. Около 30 лет назад.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Проходят купцы с женами.

Купец. Ай да Мочалов! Уважил.

Жена. Только уж эти представления смотреть уж очень жалостно; так что уж даже чересчур.

Купец. Ну да, много ты понимаешь!

Жена. Чего ж тут не понимать-то! Известное дело, всё от приятелей; это мы и прежде знали.

2-й купец. Уж точно что уважил. Не жаль деньги заплатить.

1-й купец. Как написано, что «жизнь игрока», так он точно игрока и представил.

Жена. С кем поведешься, таков и сам будешь. Вот теперича Мочалов связался с этим... как его...

2-й купец. С Валмиром.

Жена. Ну, там, как ни на есть. Связался с ним, ну и в бедность пришел, и все такое.

2-й купец. И даже в уголовном деле попался. Это вы верно, что от приятелей. От кого мы занимаемся дурному чему-нибудь? Самому не выдумать; потому и в голову не придет. А все от других.

1-й купец. И все это вы пустяки говорите. Всякий себе сам виноват. Коли я добрый человек да имею свой разум, так что мне приятели? Все одно, что ничего. А коли я дурак либо мошенник, да ежели начал распутничать, так уж ничто делать, что на приятелей сворачивать.

2-й купец. Но однако ж...

1-й купец. Что «однако ж»? Стой твердо, потому один отвечать будешь! Ответчика за себя не поставишь. Как жил, что делал? Так и так, мол, приятели. А у тебя есть своя голова на плечах? Закон знаешь? Ну, и шабаш, и кончен разговор.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Жена. А другой человек увлекательный?

1-й купец. Ну так что ж! Ну, туда ему и дорога! Не будь увлекательный.

Жена. Да ведь жалко.

1-й купец. Ничего не жалко. Знай край, да не падай! На то человеку разум дан. (Проходят.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Погуляев и несколько студентов.

Погуляев. А как хорош был сегодня Мочалов. Только жаль, что пьеса плоха.

1-й студент. Сухая пьеса. Голая мораль.

2-й студент. Все эффекты, все ужасы нарочно прибраны, как на подбор. Вот, мол, если ты возьмешь карты в руки, так убьешь своего отца, потом сделаешься разбойником, да мало этого, убьешь своего сына.

1-й студент. Какая это пьеса! Это вздор, о котором говорить не стоит. «Черт не так страшен, как его пишут». Черта нарочно пишут страшнее, чтоб его боялись. А если черту нужно соблазнить кого-нибудь, так ему вовсе не расчет являться в таком безобразном виде, чтоб его сразу узнали.

Все (смеются). Да, это правда.

Входит Кисельников, щегольски одетый

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Погуляев, Кисельников и студенты.

Погуляев. А, друг любезный! Как я тебя давно не видал!

1-й студент. Где ты пропадал?

2-й студент. Какой ты розовый, веселый! Я тебя два года не видал.

Погуляев. Ты не кончил курса?

Кисельников. Не кончил.

Погуляев. Отчего же?

Кисельников. Да так, не кончил, да и все тут. Впрочем, я занимаюсь, я много занимаюсь; а так, некогда было. Я буду держать на кандидата. Впрочем, я еще это все успею.

1-й студент. Какой вечер превосходный!...

Кисельников. Удивительный вечер! Воздух какой! Что за нега! Я теперь, когда стал свободным человеком, весь отдаюсь природе, наслаждаюсь ею вполне. Вы этой прелести не знаете, вы люди ученые, занятые.

Погуляев. Ты совсем переменялся, тебя и узнать трудно.

Кисельников. Что же, я лучше стал или хуже?

Погуляев. Не знаю, как сказать! Только жаль, что ты бросил университет.

Кисельников. Нельзя было оставаться. Вы послушайте, я вам все расскажу. Отец у меня был строгий, капризный старик, не пускал меня никуда из дому, не давал мне ни копейки денег. По вечерам насильно заставлял меня сидеть за лекциями. Все это

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru мне надоело и опротивело донельзя. В прошлом году он умер и оставил мне порядочное состояние. Вдруг в моем распоряжении довольно денег, а главное – свобода; ну, разумеется, я сейчас же захотел воспользоваться свободой, немного развлечься, погулять; таким образом я мало-помалу отстал от университета. Впрочем, я догоню, стоит только заняться... Стихи пишу от скуки, выходит недурно.

2-й студент. Что же ты думаешь с собой делать?

Кисельников. Вот выдержу на кандидата, поеду в Петербург, поступлю на службу. А приятно пожить на свободе!

1-й студент. Свобода свободой, а все же надо делать что-нибудь, без этого нельзя.

Кисельников. Разумеется. Я непременно займусь делом; теперь у меня голова занята.

Погуляев. Чем это?

Кисельников. Как бы тебе это сказать? Ну, просто, я влюблен без памяти.

2-й студент. Вот как! Ну, что же, и счастливо?

Кисельников. Да, конечно.

Погуляев. О, брат, твоя жизнь завидная.

Кисельников. Да, именно, мне можно позавидовать. Дня через два и свадьба.

Погуляев. Так скоро?

Кисельников. Чего ж ждать-то! Теперь и жить, пока молоды.

1-й студент. Да ведь ты еще не доучился, ты сам сознаешься. По-моему, нужно сначала доучиться, да потом себе определенное положение найти, тогда уж и жениться. А главное-то – нужно средства иметь.

Кисельников. У меня средства есть.

2-й студент. А позволь спросить, какие?

Кисельников. Свой домик есть, тысяч семь денег.

Погуляев. Долго ли же их прожить, ничего-то не приобретая?

Кисельников. За женой возьму, тесть обещал шесть тысяч.

1-й студент. Во-первых, обещания не всегда исполняются, а во-вторых, с деньгами нужно обращаться умеючи; или они у тебя будут лежать без всякой пользы, или ты их проживешь скоро.

Кисельников. У меня тесть деловой человек, я отдам ему деньги на его обороты, он мне будет проценты платить.

Погуляев. А его обороты лопнут, что тогда?

Кисельников. Этого быть не может... он – купец известный.

2-й студент. А по-моему, нет ничего лучше как жить на свои трудовые.

Кисельников. И я буду трудиться, буду служить.

Погуляев. А много ли ты получишь, не конча-то курса, не имея чина? Сто, двести рублей, не больше. Заведутся дети, будет нужда-то подталкивать, сделаешься неразборчив в средствах, руку крючком согнешь. Ах, скверно!

Кисельников. Ну, вот какие мрачные картины! Главное, что мне нравится в семействе моего тестя, это патриархальность. Сам я человек смирный...

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

1-й студент. Да ведь патриархальность – добродетель первобытных народов. В наше время нужно дело делать, нужны и другие достоинства, кроме патриархальности.

2-й студент. Патриархальность – то хороша под кущами, а в городах нужно пожинать плоды цивилизации.

Кисельников. Ну, да во всяком случае я уж решился; что сделано, того не воротишь. (Погуляеву.) А ты что думаешь с собой делать?

Погуляев. Я еду в Петербург. Я нашел частную должность да займусь журнальной работой; коли гожусь на это дело, так ладно, а то другой работы поищу.

Студенты. Прощай, Погуляев. Прощай, Кисельников.

2-й и 3-й студенты. Желаем тебе счастья! (Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Погуляев и Кисельников.

Кисельников. Погуляев, ты добрее их; пойдем, я тебе покажу свою невесту.

Погуляев. Покажи.

Кисельников. Вон она идет с своим семейством.

Погуляев. А еще – то с ними кто же?

Кисельников. О, это всё милейшие и самые простые люди!

Входят Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков, в форменном фраке, трость с золотым набалдашником, и Турунтаев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Погуляев, Кисельников, Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков и Турунтаев.

Переярков. Посмотрите, посмотрите, что за картина! (Показывает тростью на запад.) Солнце склоняется к западу, мирные поселяне возвращаются в свои хижины и свирель пастуха... (Обращаясь к проходящему.) Потеше, милостивый государь! Потеше, говорю я вам!

Проходящий. Извините.

Переярков. Надо различать людей. (Показывая на свой орден.) Видите, милостивый государь!

Погуляев. Про какую он там свирель говорит? Никакой свирели не слышно.

Кисельников. Ну, уж это нужно ему извинить. Зачем к таким мелочам привязываться? Он – человек отличный. Люди семинарского образования всегда склонны к риторике.

Переярков (указывая тростью). Солнце склоняется к западу...

Боровцова. Отчего же это оно к западу? Разве уж ему такой предел положен?

Боровцов. Известное дело – предел, а то еще что же?

Боровцова. А как в чужих землях? И там тоже солнце на запад садится?

Переярков. Наверное – то сказать трудно, потому что во многих землях, где у нас запад, там у них восток приходится. Да вот Ион много походов сломал, он нам скажет. Ну, как в Турции, где солнце садится?

Турунтаев. Постойте, постойте! Вот так шумла (показывает руками), вот так наш

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
лагерь, а солнце садилось вот так, в эту сторону.

Боровцова. Хорошо бы побывать в разных землях, чтобы знать, как у них там; как солнце садится, как другое что.

Боровцов. Все это – суемудрие, мечта. Мы на этом свете все равно, что в гостинице; там уж где ты ни живи, все один конец. Семейный человек живи в своей семье, потому он – глава. Куда я, семейный человек, поеду? Конечно, кто празднующий...

Переярко. Или по службе...

Турунтаев. Пошлют, пойдешь.

Боровцов. Про службу что и говорить! Служба особь статья. Если ты по службе куда идешь, так уж это, значит, твое должное.

Переярко. Какой тут разговор.

Турунтаев. Нам везде свой дом.

Боровцов. И опять же ваша пешая служба супротив морской много легче. Вы то возьмите: другой раз пошлют с кораблем–то отыскивать, где конец свету; ну и плывут. Видят моря такие, совсем неведомые, морские чудища круг корабля поднимаются, дорогу загораживают, вопят разными голосами; птица Сирен поет; и нет такой души на корабле, говорят, которая бы не ужасалась от страха, в онемение даже приходят. Вот это – служба.

Погуляев. Что они говорят?

Кисельников. Добрые люди, друг мой, добрые люди; ты критику–то оставь. Они – люди неученые, это правда; зато сердце у них лучше нашего. Подойдем к ним, я тебя познакомлю. (Подходят.)

Боровцов. Вот и жених. Где это ты запропал? Посмотри, невеста–то уж плачет, что давно не видала.

Глафира. Ах, что вы, тятенька! Даже совсем напротив.

Боровцов. А ты, дура, нарочно заплачь, чтоб ему было чувствительнее.

Кисельников. Вот позвольте познакомить вас с моим товарищем.

Боровцов. Оно конечно, без товарищей нельзя; только уж женатому–то надо будет от них отставать; потому от них добра мало. А как ваше имя и отчество?

Погуляев. Антон Антоныч Погуляев.

Боровцов. Так–с. Состояние имеете?

Погуляев. Нет.

Боровцов. Плохо. Значит, вы моему зятю не компания.

Кисельников. Это все равно, мы с ним с детства друзья.

Переярко. Вы кончалой?

Погуляев. Да, то есть я кончил курс.

Переярко. Ну, я про то–то и спрашиваю. Из разночинцев?

Погуляев. Из разночинцев.

Переярко. Из мещан или из приказных детей?

Погуляев. Мой отец был учитель.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Переярко. Ну, все одно что из приказных. Теперь разночинцам дорога, кто кончит в университете.

Турунтаев. Вы в военную! Через полгода офицер, дворянин, значит; вы грамотей, так, пожалуй, казначеем сделают; послужите, роту дадут; наживите денег да крестьян купите – свои рабы будут. Вы ведь не из дворян, так это вам лестно.

Переярко. Хорошо и в штатскую. Я до титулярного-то двадцать пять лет служил, а вас, гляди, года через четыре произведут.

Погуляев. Я не думаю служить.

Переярко. Не одобряю.

Погуляев. В учителя хочу.

Переярко. Ребятишек сечь? Дело! Та же служба. Только как вы характером? Строгость имеете ли?

Турунтаев. Пороть их, канальев! Вы как будете: по субботам или как вздумается, дня положенного не будет? Ведь методы воспитания разные. Нас, бывало, все по субботам.

Погуляев. Уж я, право, не знаю.

Турунтаев. Нет, вы не годитесь в учителя, и в военную не годитесь – я по глазам вижу. Вы лучше в штатскую.

Кисельников. Погулять бы теперь.

Боровцов. Нет, уж мы, брат, нагулялись. Гуляйте вот с женой, с дочерью, а мы пойдем посидим, отдохнем.

Боровцов, Переярко и Турунтаев уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Боровцова, Глафира, Погуляев и Кисельников.

Боровцова. Куда еще гулять! Я уж и так ноги отходила.

Кисельников. Сядьте, маменька, тут вот на скамеечку, мы подле вас будем.

Погуляев (Глафире). Вы очень любите своего жениха?

Глафира молчит.

Что же вы мне не отвечаете?

Боровцова. А ты скажи: «Столько, мол, люблю, сколько мне следует».

Глафира. Как же я могу про свои чувства говорить посторонним! Я могу их выражать только для одного своего жениха.

Кисельников. Какова скромность!

Боровцова. Вы про любовь-то напрасно. Она этого ничего понимать не может, потому что было мое такое воспитание.

Погуляев. А как же замуж выходить без любви? Разве можно?

Боровцова. Так как было согласие мое и родителя ее, вот и выходит.

Погуляев. Вы чем изволите заниматься?

Глафира. Вы, может быть, это в насмешку спрашиваете?

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Погуляев. Как же я смею в насмешку?

Боровцова. Нынче всё больше стараются, как на смех поднять. Хоть не говори ни с кем.

Глафира. Обыкновенно чем барышни занимаются. Я вышиваньем занимаюсь.

Погуляев. Что ж вы вышиваете?

Глафира. Что на узоре нарисовано: два голубя.

Погуляев. А еще чем? Неужели только одним вышиваньем?

Глафира. Маменька, что же мне еще ему говорить?

Кисельников. Ну что ты пристал! Этак, конечно, сконфузить можно.

Погуляев. Я и не думал конфузить, я сам всегда конфужусь.

Глафира. Вы к нам будете с Кирилой Филиппычем приходите или так только?

Погуляев. Если позволите.

Кисельников. Придем непременно, завтра же.

Глафира. Мы будем в фанты играть.

Боровцова. Да, приходите с девушками поиграть, а то у нас молодых-то парней мало; молодцов зовем, так те при хозяевах-то не смеют.

Погуляев. Да я в фанты играть не умею.

Глафира. Мы выучим. В фантах можно с девушками целоваться.

Боровцова. Да, у нас запросто.

Кисельников. Ты только побывай раз, потом сам проситься будешь. Ты что ни говори, лучше этих тихих, семейных удовольствий ничего быть не может.

Погуляев. Ну нет, есть кой-что и лучше этого.

Боровцова. Это танцы-то, что ли? Так ну их! Муж терпеть не может.

Глафира. Теперь я вас не буду бояться, потому что вы будете к нам вхожи в дом; а то я думала, что вы так только, посмеяться хотите. Я думала, что вы гордые.

Погуляев. Отчего же вы так думали?

Глафира. Ученые все гордые. Вот у нас рядом студент живет, так ни с кем из соседей не знаком и никому не кланяется.

Погуляев. Должно быть, у него занятий много, времени нет для знакомств.

Кисельников. Нет, так дикарь какой-то.

Глафира. Как времени не быть! Ведь с портнихами знаком же, к ним ходит часто. Его спрашивали, отчего он не хочет с хорошими барышнями познакомиться?

Погуляев. Что же он?

Глафира. «Они, говорит, глупы очень, мне с ними скучно». И выходит, что он – невежа и гордый.

Погуляев. Ну, конечно, невежа.

Боровцова. Да ты сам-то, батюшка, не таков ли?

Кисельников. Нет, маменька, что вы!

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Боровцова. Ох, трудно вам верить-то!

Кисельников. Какая простота! Какая невинность!

Боровцова. Ну пойдем, Глаша!

Глафира. Пойдемте, маменька.

Кисельников (подходя к Боровцовой). Прощайте, маменька. Я к вам завтра часов с пяти.

Глафира (Погоуляеву). Прощайте. Приходите завтра, не обманите. (Тихо.) У меня есть подруга, очень хороша собой, у ней теперь никого нет в предмете, я вас завтра познакомлю, только чтобы секрет. Вы смелей, не конфузьтесь. (Отходит к Боровцовой.)

Боровцова. Ты и приятеля-то приводи.

Кисельников. Хорошо, маменька, придем вместе.

Боровцова и Глафира уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Кисельников и Погоуляев.

Кисельников. Ну, что скажешь?

Погоуляев. Ха, ха, ха! да это черт знает что такое! Это – безобразие в высшей степени!

Кисельников. Это тебе потому кажется безобразием, что ты совсем отвык от семейной жизни.

Погоуляев. Да какая ж это семейная жизнь? Это – невежество и больше ничего.

Кисельников. Так вдруг тебе показалось, а ты взглядишь хорошенько.

Погоуляев. Не взглядеться, а втянуться нужно; я понимаю, что можно втянуться, только потом уж и не вылезешь. Если уж тебе пришла охота жениться, так бери девушку хотя не богатую, да только из образованного семейства. Невежество – ведь это болото, которое засосет тебя! Ты же человек нетвердый. Хоть на карачках ползи, хоть царапайся, да только старайся попасть наверх, а то свалишься в пучину, и она тебя проглотит.

Кисельников. Что за фантазии!

Погоуляев. Послушай, вот тебе мой совет: загуляй лучше – может быть, и позабудешь об невесте либо приедешь туда пьяный, и тебя прогонят, откажут тебе – это еще может тебя спасти. Напьешься – проспиться, а женишься, уж не воротишь.

Кисельников. Что ты ни говори, я уж решился – это дело кончено. Прощай.

Погоуляев. Прощай! я первый буду рад, если мои слова не сбудутся.

СЦЕНА II ЛИЦА:

Кисельников, 29 лет.

Глафира, 25 лет.

Лизанька, дочь их, 6 лет.

Боровцов, 47 лет.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Боровцова.

Анна Устиновна, мать Кисельникова.

Переярков.

Турунтаев.

Погуляев.

Аксинья, кухарка Кисельникова.

Небогатая комната в квартире Кисельникова. Между 1-й сценой и 2-й проходит 7 лет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глафира, Кисельников и дочь.

Кисельников. Убери дочь-то! Что она здесь толчется! Нет у них детской, что ли? Уж и так все уши прожужжали; а тут, того гляди, гости приедут.

Глафира. Твои ведь дети-то!

Кисельников. Так что ж, что мои?

Глафира. Ну, так и нянчайся с ними.

Кисельников. А ты-то на что! У меня есть дела-то поважнее.

Глафира. Я твоих важных делов и знать не хочу; а ты не смей обижать детей, вот что!

Кисельников. Кто их обижает?

Глафира. Лизанька, плюнь на отца.

Лизанька плюет.

Скажи: папка дурак.

Лизанька. Папка дурак.

Кисельников. Что ты это? Чему ты ее учишь?

Глафира. Да дурак и есть. Ты как об детях-то понимаешь? Ангельские это душки или нет?

Кисельников. Ну, так что ж!

Глафира. Ну, и значит, что ты дурак. Заплачь, Лизанька, заплачь.

Лизанька плачет.

Громче плачь, душенька! Пусть все услышат, как отец над вами тиранствует.

Кисельников (зажимая уши, кричит). Вы мои тираны, вы!

Глафира. Кричи еще шибче, чтоб соседи услышали, коли стыда в тебе нет. Пойдем, Лизанька. (Мужу.) Ты погоди, я тебе это припомню. (Дочери.) Да что же ты нейдешь, мерзкая девчонка! Как примусь я тебя колотить.

Кисельников. Это ангельскую-то душку?

Глафира. А тебе что за дело? Моя дочь, я ее выходила, а не ты. Вот назло же тебе прибью в детской. Вот ты и знай! (Уходит с дочерью.)

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Кисельников. Ишь ты какая! Ишь ведь какая взбалмошная! Ох, ругать бы ее, да ругать хорошенько. Сегодня нельзя браниться-то с ней, грех – день ее ангела. Уж сегодня пусть привередничает – ее день. Сегодня можно и стерпеть. Что ж не стерпеть. Невелик барин-то, чтоб не стерпеть! Эх, дела, дела! (Долго стоит задумавшись. Потихоньку запекает.)

Во саду ли, в огороде
Девушка гуляла.
Входит Глафира.

Глафира. Обидел жену, а сам песни поет; хорош муж!

Кисельников (громче).

Она ростом невеличка,
Лицом круглоличка.
Глафира. Что ж ты, на смех, что ли? Ишь какую моду выдумал!

Кисельников. Да уж мне только и осталось: либо взвить голосом от вас, либо песни петь.

Глафира. А мне что делать! Я вот нынче именинница, а ты мне что подаришь?

Кисельников. А где деньги-то?

Глафира. А мне какое дело! Зачем же ты меня брал из богатого дому, коли у тебя денег нет; я к такой жизни не привыкла.

Кисельников. У меня деньги были, твой же отец взял.

Глафира. И преотлично сделал, а то бы ты их давно промотал.

Кисельников. А ему какое дело? Деньги-то мои, что хочу, то с ними и делаю. А он не то что денег, и процентов не платит. Насилу выпросишь рублей пятнадцать или двадцать, да еще после попрекает да ломается. Я, говорит, тебе в твоей бедности помогаю.

Глафира. Так тебе и надо. Отдай тебе деньги-то, так ты, пожалуй, и жену-то бросишь.

Кисельников. Где уж бросить, когда пятеро детей. Нет уж, надел петлю, да и концы вам отдал, тяните теперь, пока совсем задушите. Ты говоришь, что ты из богатого дому; а много ль за тобой дали-то! Обещали шесть тысяч, а много ли дали?

Глафира. Ты за счастье считай, что я за тебя пошла-то; с тысячами-то я бы в десять раз лучше тебя нашла. За меня какой полковник-то сватался! Как я была влюблена-то! До самой страсти! Да не отдали, оттого что очень в карты играет.

Кисельников. Зачем же ты шла за меня?

Глафира. Выдали, так и пошла. Известно, глупа была. Тятенька-то думал, что ты – деловой, что ты – себе на прожитие достанешь.

Кисельников. Где ж я достану? На нашей службе немного добудешь. Что ж мне – воровать, что ли?

Глафира. А мне какое дело. Я с тобой и говорить-то не хочу. Ты еще у меня должен прощение просить, а то я с тобою две недели слова не скажу. При гостях нарочно буду от тебя отворачиваться, пусть тятенька с маменькой посмотрят.

Кисельников. Ну, уж ты этого-то, пожалуйста, не делай...

Глафира. А! Тебе это не нравится! Так вот нарочно ж буду, нарочно!

Кисельников. Глаша, ну я прошу тебя! Что хорошего, разговор пойдет.

Глафира. Так проси прощенья.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Кисельников. Ну, прости меня.

Глафира. Целуй ручку, да вперед не смей со мной спорить никогда.

Кисельников. Ну, не буду.

Глафира. Где ж тебе со мной спорить! Ты помни, что я в тысячу раз тебя умнее и больше тебя понимаю. Мной только и дом-то держится.

Кисельников. Ну, хорошо, хорошо! А где маменька?

Глафира. Известно, в детской. Где ж твоей маменьке быть! Пусть хоть детей нянчит, все-таки не даром хлеб ест.

Кисельников. Как же даром? Ведь мы в ее доме-то живем.

Глафира. Вот опять с тобой ругаться надо. Сколько раз я тебе говорила, чтоб ты дом на мое имя переписал. Вот и выходит, что ты меня не любишь, а все только словами обманываешь, как сначала, так и теперь. Для матери все, а для жены ничего.

Кисельников. Да что все-то? Ведь это – ее дом-то, собственный!

Глафира. Так что ж, что ее? Я вот ей свои старые платья дарю, не жалею для нее, а ты этого не хочешь чувствовать, точно как я обязана. Да молчи ты, не расстраивай меня! Вон тятенька с маменькой приехали. И зачем это я связалась с тобой говорить! Очень интересно твои глупости слушать. (Уходит.)

Кисельников (задумавшись осматривает комнату). Ишь ты, пыли-то сколько на диване. Аксинья!

Входит Аксинья.

Ишь ты, пыли-то сколько.

Аксинья. Да, как же! Есть мне время! Не разорваться же в самом деле!

Кисельников. Так давай тряпку, я сам сотру.

Аксинья (подает тряпку). Давно бы вам догадаться-то. (Уходит.)

Кисельников (стирая пыль). Ну, вот и чисто. При большой-то семье как за порядком усмотришь. Сколько людей-то нужно! А вот взял сам да и стер, взял да и стер, – невелик барин-то! На тряпку-то!

Аксинья (за сценой). Бросьте где-нибудь. Стряпня одолела.

Кисельников бросает в дверь тряпку. Входят Боровцов, Боровцова и Глафира.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Боровцов, Боровцова, Глафира и Кисельников.

Глафира (тихо Боровцовой). Вчера мои серьги заложил.

Боровцов. Здравствуй, Кирюша! С именинницей! Рад ли гостям-то?

Кисельников. Здравствуйте, папенька! Здравствуйте, маменька! Как же, помилуйте! И вас также с именинницей.

Боровцов (ероша ему волосы). Эх ты, простота, простота! Любишь жену-то?

Кисельников. Как, папенька, не любить!

Боровцов. Люби, Кирюша, люби. Поцелуй ее, сейчас поцелуй, чтоб я видел.

Кисельников целует.

Вот так. Вот теперь вижу, что любишь.

Боровцова. Да, как же! Любит он ее! Поцеловать-то всякий сумеет; а ты спроси, куда он ее серьги дел.

Боровцов. Какие серьги?

Боровцова. Да наши серьги, что мы за ней дали. Заложил ведь.

Боровцов. Уж ты до жениного приданого добрался. Выкупи. С себя хоть все заложил, а приданого не смей трогать.

Кисельников. При первых деньгах, папенька, выкуплю.

Боровцов. У кого заложены?

Глафира. У Турунтаева.

Кисельников. Десять процентов в месяц берет.

Боровцов. А что ж не брать, коли дают. По его век дураков хватит. Эх, зятек! Я думал, что из тебя барин выдет, а вышла-то грязь.

Кисельников. За что же, папенька...

Боровцов. За то же, что ты для семейства ничего не стараешься. Ты в каком суде служишь? Кто у вас просители?

Кисельников. Купцы.

Боровцов. То-то «купцы»! Ну, стало быть, их грабить надо. Потому, не попадайся, не заводи делов. А завел дела, так платись. Я тебе говорю, – я сам купец. Я попадусь, и с меня тяни. «Мол, тятенька, родство родством, а дело делом; надо же, мол, и нам жить чем-нибудь». Боишься, что ль, что ругать стану? Так ты этого не бойся. Кому надо в суд идти, тот деньги готовит; ты не возьмешь, так другой с него возьмет. Опять же и физиономию надо иметь совсем другую. Ты вот глядишь, словно мокрая курица, а ты гляди строже. Вот как гляди. Так всякий тебя опасаться будет. Потому кто в суд пришел, он хоть и не виноват, а ему все кажется, что его засудить могут; а взглянул ты на него строго, у него и душа в пятки; ну и пошел всем совать по карманам – перво-наперво, чтоб на него только ласково глядели, не пугали его; а потом, как до дела разговор дойдет, так опять за мощну, в другой раз.

Глафира. Охота вам, тятенька, с ним слова терять.

Боровцова. Молчи, Глаша. Может, он, Бог даст, и в разум придет. Откроется в нем такое понятие, что отец его добру учит. Слушай, Кирюша, это тебе на пользу.

Боровцов. Да и жить-то надо не так. Ты сразу поставь себя барином, тогда тебе и честь другая, и доход другой. Заломил ты много с купца, он упирается – ты его к себе позови да угости хорошенько; выдет жена твоя в шелку да в бархате, так он сейчас и догадается, что тебе мало взять нельзя. И не жаль ему дать-то будет, потому он видит, что на дело. Всякий поймет, что ты барин обстоятельный, солидный, что тебе на прожитие много нужно.

Кисельников. Я, тятенька, не так был воспитан; оно, знаете ли, как-то совестно. Думаешь: «Что хорошего!» Грабителем будут звать.

Боровцов. Грабителем! А тебе что за дело! Пушай зовут! Ты живи для семьи, – вот здесь ты будешь хорош и честен, а с другими прочими воюй, как на войне. Что удалось схватить, и тащи домой, наполняй да укрывай свою хижину. По крайности, ты душой покоен; у тебя семья сыта, ты бедному можешь помочь от своих доходов; он за тебя Бога умолит. А теперь ты что? Мотаешься ты на белом свете без толку да женино приданое закладываешь. То тебе совестно, а это не совестно? Там ты чужие бы деньги проживал, а теперь женины да детские. Какая же это совесть такая, я уж не понимаю.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Глафира. «Женины да детские», слышишь. Как же вот мне не плакать-то?

Боровцова. Молчи, молчи! Ты вот запомни, что отец-то говорит, да и тверди ему почаще, а то он засуется в делах, из головы-то у него и выходит, он и не помнит.

Кисельников. Маменька, я помню, да только...

Боровцов. Ну, где помнить! Ты и по лицу-то такой растерянный. А вот, как ты в суд-то пойдешь, она тебе и напомнит, да, дорогой-то идя, все тверди.

Кисельников. Что мне твердить! Это смешно даже. Понятия у меня, маменька, другие.

Боровцова. Какие же это могут быть понятия, что женины деньги закладывать?

Боровцов. Дурак ты, братец. Никаких у тебя понятий нет. Кабы у тебя были такие понятия, так ты бы не женился да не развел семьи. Я не глупей тебя, я, может быть, не один раз видал таких-то людей, что не берут взятки, и разговаривать как-то раз привел Бог, так уж они и живут, как монахи. Далеко тебе до них! Что ты нас обманываешь! Те люди почитай что святые! А то вот еще масоны есть. Ты уж живи хоть так, как все мы, грешные. Ты разве бы не брал, – да не умеешь – вот что надо сказать.

Кисельников. Я уж теперь и сам понимаю, что я ничем не лучше других, а ведь мне хотелось-то быть лучше.

Боровцов. Ну мало ль что хотелось.

Кисельников. Как вспомню я свои старые-то понятия, меня вдруг словно кто варом обдаст. Нет, стыдно мне взятки брать.

Боровцов. Конечно, стыдно брать по мелочи да с кислой рожей, точно ты милостыню выпрашиваешь; а ты бери с гордым видом да помногу, так ничего не стыдно будет.

Боровцова. И что это за стыд такой? Нешто у вас другие-то в суде не берут?

Кисельников. Все берут, маменька.

Боровцова. Так кого ж тебе стыдно? Нас, что ли, или соседей? Так у нас по всему околотку, хоть на версту возьми, никто об этом и понимать-то не может. Берут взятки, ну, значит, такое заведение, так исстари пошло, ни у кого об этом и сумления нет. Это ты только один, по своей глупости, сумлеваешься.

Боровцов. Что ты толкуешь: «Стыдно!» Ведь я тебе не говорю: «Возьми дубину да на большую дорогу иди». А ты подумай-ка хорошенько да брось свой стыд-то.

Кисельников. И то, папенька, надо бросить.

Аксинья входит.

Аксинья. Гости идут, офицер да барин.

Глафира. Это Луп Лупыч с Ионом Ионычем. Скажи маменьке, чтоб чай наливала, да не очень там с ней копайтесь, а то вас не дожدهшься.

Аксинья уходит. Входят Переярков и Турунтаев. Турунтаев расшаркивается и целует руку.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кисельников, Глафира, Боровцов, Боровцова, Переярков и Турунтаев.

Переярков и Турунтаев (Глафире). С ангелом. (Кисельникову). С именинницей.

Кисельников и Глафира. Покорно благодарим.

Боровцов. Садитесь, приятели, садитесь! Вот теперь вся наша компания в сборе.

Переярко. А мы вот с полковником шли да спорили.

Турунтаев. Да, ну вот расскажи, вот все теперь и рассудим.

Переярко. Как правильнее судить дело: по закону или по человечеству?

Турунтаев. Ну, да какое бы там ни было. Я говорю, что по закону, а он говорит, что по человечеству.

Боровцов. Да к чему же это клонит, ты хоть намекни.

Кисельников. Ежели вы насчет уголовных дел...

Переярко. Ну вот, очень нужно! Кто виноват, тот виноват, как его ни суди.

Турунтаев. И пори его, анафему; а не виноват, ну и отпустить можно.

Переярко (Боровцову). Ну, как же по-твоему?

Боровцов. Да ты пример скажи.

Переярко. Вот тебе пример: положим, у тебя на опеке племянник; ты – человек хороший, состоятельный, торговые дела делаешь, а они вышли ребята так себе, ни то ни се, к торговле склонности не имеют, а готовое прожить охота большая; ну, ты и попользовался от них сколько мог, видимо попользовался; а отчеты представлял безобразные и все такое; то есть не то что ограбил, а себя не забыл. Виноват ты или нет? Вот тебе и задача. По закону ты виноват!

Турунтаев. А по человечеству – нет.

Боровцов. Рассудить вас или нет?

Переярко. Рассуди.

Боровцов. Ты говоришь, что я – хороший человек, обстоятельный, так за что ж меня судья под закон подведет? Ну и значит, я буду прав. Настоящий-то судья должен знать, кого подвести под закон, кого нет. Если всех нас под закон подводить, так никто прав не будет, потому мы на каждом шагу закон переступаем. И тебя, и меня, и его, надо всех в Сибирь сослать. Выходит, что под закон-то всякого подводить нельзя, а надо знать кого. Так и этот опекун. Как ты его осудишь? Каким манером? За что?

Переярко. Осудить не за что; и я бы не осудил, я только говорю про закон.

Боровцов. Да что ты наладил: «Закон, закон!»

Переярко. Так для чего же они писаны?

Боровцов. Известно для чего – для страха, чтоб не очень забывались. А то нешто мы так живем, как в законе написано? Нешто написано, что на улице трубку курить, а ты за воротами сидишь с трубкой. Нешто писано, что по десяти процентов в месяц брать, а он берет же.

Турунтаев. Нешто писано, что гнилым товаром торговать, а ты торгуешь же.

Боровцов. Да, и торгуем.

Боровцова. Нешто писано, что по пятницам скоромное есть, а ведь люди едят же. Уж коли судить, так всех судить: нас судить за товар, и их судить за молоко.

Переярко (Боровцову). Эка у тебя голова-то на плечах золотая, как раз дело рассудил.

Боровцов. А не так, что ль?

Переярко. Так, верно.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Боровцов. Зятек, Кирюша! Так ведь?

Кисельников. Должно быть, папенька, так-с. По практическому-то смыслу оно так выходит.

Переярков. Да вот мы еще с полковником спорили, что лучше: ум или практика. Ну, да это после, а теперь бы в карточки.

Турунтаев. Сразиться не мешает.

Боровцов. Есть, что ли, карты-то какие-нибудь старенькие? А коли нет, так к нам послать.

Кисельников (приготовляя стол). Есть, папенька, садитесь.

Садятся Боровцов, Переярков и Турунтаев. Входит Анна Устиновна с чаем на подносе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кисельников, Глафира, Боровцов, Боровцова, Переярков, Турунтаев и Анна Устиновна.

Глафира. Что вы там провалились с чаем-то! Ждешь вас, не дожدهшься.

Анна Устиновна. Не торопись, матушка, поспеешь.

Глафира. Топчетесь только в доме, а толку нет.

Боровцова. Ну, ты потише, потише! А ты при людях-то не кричи! Нехорошо. Здравствуйте, сватьяшка!

Анна Устиновна. Здравствуйте, матушка. (Подает чай.) Кирюша, бери чай-то. Гости дорогие, пожалуйста.

Боровцов. А, старушка Божья! На свет выползла? погоди, мы тебе еще жениха найдем.

Переярков. Да вот Ион Ионыч холост гуляет.

Анна Устиновна. И на том спасибо, Пуд Кузьмич.

Глафира. Что ж вы, маменька, тут стали, как будто вам дела нет.

Анна Устиновна. Пойду, матушка, пойду. Ах, я и забыла! Кирюша, тебя какой-то человек спрашивает. Знаю, что товарищ твой, и видала его, а как звать, забыла. (Уходит.)

Глафира. Поди! Кого там еще к тебе принесло? Если из ваших служащих, так ты знай, что ему с моим тятенькой не компания.

Кисельников уходит.

Очень у меня муж непризнательный.

Боровцов. Что ж так?

Глафира. Видимое дело, что он глупее меня, а признаться никак не хочет.

Входят Кисельников и Погуляев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков, Турунтаев, Кисельников и Погуляев.

Кисельников. Гостя веду, гостя!

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Глафира. Что это ты уж очень обрадовался?

Кисельников. Шесть лет не видались. Поздравь жену-то, братец, сегодня она у меня именинница.

Погуляев (Глафире). Честь имею вас поздравить. (Кланяется всем.)

Глафира. Благодарю покорно. Только нынче мы чужих не ждали, промежду своих хотим время провести.

Кисельников. Садись, братец, садись, потолкуем.

Погуляев. Ну, как же ты живешь? Семья велика?

Кисельников. Порядочная, трое детей теперь живых, да двоих, слава Богу, схоронил.

Погуляев. Как «слава Богу»? Разве тебе их не жаль?

Кисельников. Уж очень, брат, тягостно.

Погуляев. Да ты служишь?

Кисельников. Какая моя служба! Неспособен оказался, совсем неспособен. И туда совался, и сюда, и в надворном служил, и в сиротском, теперь в магистрате. До столоначальников не добьюсь никак, глядишь, семинарист какой-нибудь и перебьет; дельней нас оказываются, много дельнее.

Погуляев. А жалованья много ли?

Кисельников. У нас ведь не из жалованья служат. Самое большое жалованье пятнадцать рублей в месяц. У нас штату нет, по трудам и заслугам получаем; в прошлом году получал я четыре рубля в месяц, а нынче три с полтиной положили. С дому сто рублей получаю. Кабы не дележка, нечем бы жить.

Погуляев. Какая дележка?

Кисельников. По субботам столоначальник делит доходы с просителей, да я посмирнее, так обделяет.

Погуляев. Вот как! (Задумывается.)

Переярков (за столом). Проходимец какой-нибудь; вижу, насквозь его вижу.

Турунтаев. Мошенник!

Погуляев (кивая головой на играющих). Что ж, это все те же гуси-то?

Кисельников. Да, мы всё своим кружком, – так смирененько, ладненько, – слава Богу.

Погуляев. Ну, а деньги твои?

Кисельников. Ты потише. Тысячи две прожил сначала-то, а остальные у тестя.

Погуляев. Отчего же тише? Разве не отдает или процентов не платит?

Кисельников. Да не то чтобы он совсем, а все как-то, знаешь, туго, с большим трудом. Вот и дом наш он тоже в залоги представил. Он мне за это пятьдесят рублей заплатил. Нельзя отказать, – родня.

Погуляев. Ох, уж эта родня!

Боровцов (за столом). Надо быть, от семьи отбивает.

Турунтаев. Гляди, он его в трактир уведет да напоит.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Переярко. А вот дайте мне срок, я с ним поговорю. Я с ним по-своему поговорю.

Кисельников. Ну, а ты как?

Погуляев. Я тоже, брат, плохо: и без денег, и без места.

Турунтаев (за столом). Говорю, что мошенник.

Погуляев. Теперь уроков ищу. За границей был три года.

Переярко. Вон куда пошло!

Погуляев. Ездил с одним богатым семейством в учителях. Мальчик-то в университет поступил, я и остался без места.

Кисельников. Что ж, хорошо за границей-то?

Погуляев. Еще бы! И жить хорошо, а учиться, так раздолье; просто кабы деньги, опять бы поехал.

Переярко. Сейчас я его. (Погуляеву.) Да-с! За границей! Что же там, реки сытовые, берега кисельные?

Погуляев. Нет, этого нету. И птицы Сирен не видал.

Переярко. Вы говорите, что там хорошо; значит, нам надобно ехать туда. Поедемте, господа.

Боровцов. Поедем; и я с женой поеду.

Глафира (Погуляеву). Это должно к стыду к вашему приписать, что вы семейных людей, обязанных, смущаете.

Переярко. Да-с, а мы вот не поедем.

Погуляев. И прекрасно сделаете.

Переярко. И почему мы не поедем, вам этого не понять-с. Вот почему-с: во-первых, Замоскворечье – моя родина, а во-вторых, у нас промежду собой нежность есть; все мы всегда вместе, вот и теперь – сидим, играем, чаек пьем, а может быть, и ромцу подадут, дружески, приятельски, – вот где рай-то! а не за границей. Тихо, смиренно, благодушно, душа в душу.

Турунтаев. А ты что к нему в карты-то смотришь! Вы и так прошлый раз меня ограбили, восемь гривен кровных отняли. Ты что ему больно подслуживаешься, уж не банкротиться ль он задумывает?

Боровцов. Ты очнись. Типун бы тебе на язык-то. Я с тебя за эти слова бесчестье потребую.

Турунтаев. Держи карман-то! Велико тебе бесчестье! Вам, аршинникам, обанкрутиться-то, что нашему брату рюмку водки выпить.

Переярко. Говорил бы кто, да не ты. Кашей бессмертный! Ты сирот грабишь, закладами только и живешь; по десяти процентов в месяц берешь. У тебя и квартиры-то нет, чулан один для склада вещей, – ни ложки, ни плошки нет, – ты по должникам пить-есть ходишь.

Турунтаев. Хожу. А ты конкурсами только и живешь, – день-то плутничаешь да фальшивые документы составляешь, а вечером собираешь к себе несостоятельных да садишься с ними по большой в карты играть; они тебе нарочно проигрывают, чтоб только в Сибирь нейти. Тем ты и состояние-то нажил.

Переярко. Уж ты судился за лихвенные-то проценты.

Турунтаев. А ты от своего имени прошений не смеешь писать, – всем сенатом ябедником признан, и в газете опубликовано.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Переярков. Процентчик! Кащей! Иуда!

Турунтаев. Вор, денной вор!

Боровцов. Что ж ты лаешься-то!

Турунтаев. А ты что, аршинник!

Погуляев. Вот тебе и душа в душу.

Кисельников. Папенька, Господи, что же вы это! Оставьте, пожалуйста! Играйте!

Турунтаев. Не хочу я с мошенниками играть.

Кисельников. Ну, сделайте милость, помиритесь.

Погуляев. Прощай, брат.

Кисельников. Нет, постой, погоди! Ах, Боже мой! Ах, какое несчастье! Папенька, как же это вы?...

Боровцов. Ну, будет! Пошутили, да и будет. Садитесь играть.

Турунтаев. Садитесь! Пересдать карты, тогда я сяду.

Переярков. Ну, пересдать, так пересдать. (Пересдают.)

Боровцов. Кирюша, ты в самом деле нас ромком бы попотчевал.

Глафира (подходя к Кисельникову). Где ром-то? Где ром-то? Да и деньги-то есть ли у тебя? Ах ты, мучитель! Вылетело у тебя из башки-то, что ром для тятеньки первое удовольствие. Так-то ты об моей родне-то помнишь.

Кисельников. Где ж взять-то? Где ж взять-то? Эко горе-то! Вот какая беда-то! Брат, нет ли?

Погуляев (дает ему деньги). На вот, последние, я-то как-нибудь добуду.

Кисельников. Вот спасибо, вот, брат, одолжил! Век не забуду. (Боровцову.) Сейчас, папенька. (Жене.) Поди пошли поскорей.

Глафира. Помни ты это! (Уходит.)

Кисельников. Вот, брат, вот, вот... совсем деньжонками порасстроился. А ведь будут, знаю, что будут... Я тебе отдам. У меня непременно в этом месяце будут. У меня есть примета верная. Выхожу я вечером на крыльцо, в руке хлеб, а месяц прямо против меня; я в карман, там серебро, мелочь, – вот в одной руке хлеб, в другой серебро, а месяц напротив, значит, целый месяц (сквозь слезы) и с хлебом, и с деньгами.

Погуляев (с чувством). Что ты такое говоришь? Друг мой, в уме ли ты?

Кисельников (со слезами). Оно, конечно, ведь это предрассудок, так ведь, Погуляев, предрассудок? А все-таки, когда человек кругом в недостатках, это утешает, утешает, брат, право, утешает.

Погуляев. Ах ты, бедный! Прощай.

Кисельников. Увидаться бы... мне бы тебе деньги-то...

Погуляев. Да уж не знаю, придется ли. Ах, Кнрюша! Подымайся как-нибудь. Бедность страшна не лишениями, не недостатками, а тем, что сводит человека в тот низкий круг, в котором нет ни ума, ни чести, ни нравственности, а только пороки, предрассудки да суеверия. Прощай.

Кисельников. Спасибо, брат, спасибо, вот одолжил!

Погуляев уходит.

Вот друг-то, так уж друг! Что тут делать-то, кабы не он! Куда деваться? Это мне его за мою правду да кротость Бог послал. Вот таких бы друзей-то побольше, так легче бы было на свете жить! Не будь его, так совсем бы я перед тестем осрамился.

СЦЕНА III

ЛИЦА:

Кисельников, 34 лет.

Анна Устиновна.

Боровцов, 52 лет.

Переярко.

Неизвестный.

Бедная комната; крашеный стол и несколько стульев; на столе сальная свеча и кипа бумаг.

Между 2-й и 3-й сценой 5 лет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кисельников сидит за столом в халате и пишет. Анна Устиновна входит.

Кисельников. Что дети, маменька?

Анна Устиновна. Что мы без доктора-то знаем! Все в жару. Теперь уснули.

Кисельников. Эх, сиротки, сиротки! Вот и мать-то оттого умерла, что пропустили время за доктором послать. А как за доктором-то посылать, когда денег-то в кармане двугривенный? Побежал тогда к отцу, говорю: «Батюшка, жена умирает, надо за доктором посылать, денег нет». – «Не надо, говорит, все это – вздор». И мать то же говорит. Дали каких-то трав, да еще поясok какой-то, да старуху-колдунью прислали; так и уморили у меня мою Глафиру.

Анна Устиновна. Ну, Кирюша, надо правду сказать, тужить-то много не о чем.

Кисельников. Все ж таки она любила меня.

Анна Устиновна. Так ли любят-то! Полно, что ты! Мало ль она тебя мучила своими капризами? А глупа-то, как была, Бог с ней!

Кисельников. Эх, маменька! А я-то что! Я лучше-то и не стою. Знаете, маменька, загоняют почтовую лошадь, плетется она нога за ногу, повеся голову, ни на что не смотрит, только бы ей дотащить кой-как до станции: вот и я таков стал.

Анна Устиновна. Зачем ты, Кирюша, такие мысли в голове держишь! Грешно, друг мой! Может быть, мы как-нибудь и поправимся.

Кисельников. Коли тесть даст денег, так оживит. Вот он теперь несостоятельным объявился. А какой он несостоятельный. Ничего не бывало. Я вижу, что ему хочется сделку сделать. Я к нему приставал; с тобой, говорит, поплачусь. А что это такое «поплачусь»?.. Все ли он заплатит или только часть? Да уж хоть бы половину дал или хоть и меньше, все бы мы сколько-нибудь времени без нужды пожили; можно бы и Лизаньке на приданое что-нибудь отложить.

Анна Устиновна. Да, да! Уж так нужны деньги, так нужны!

Кисельников. Маменька, вы пишете, что нужно-то? Я вас просил записывать, а при первых деньгах мы все это и исполним.

Анна Устиновна. Записано, Кирюша. (Вынимает бумажку и читает.) «Во-первых, за квартиру не заплачено за два месяца по шести рублей, да хорошо бы заплатить за

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru полгода вперед. Во-вторых, чаю, сахару и свеч сальных хоть на месяц запasti. В-третьих, купить в эту комнату недорогой диванчик. В-четвертых, в лавочку пятнадцать рублей шестьдесят одна копейка, – очень лавочник пристаёт. В-пятых, фрачную пару...» Уж тебе без этого обойтись никак нельзя. «И в-шестых, ситчику Лизаньке на платье...» Ей уж тринадцатый год, стыдиться начинает лохмотьев-то. Вот что нужно-то. А пуще всего за квартиру да еще детям на лечение. Денег-то у меня, Кирюша, немного осталось.

Кисельников. Из чего остаться-то. Три недели тому назад я вам дал пять целковых.

Анна Устиновна. Немножко-то есть, – два двугривенных, да пятиалтынный, да что-то медными. А все ладонь чешется, все ладонь чешется, – надо быть, к деньгам.

Кисельников. Завтра утром к тестю заеду. Не отдаст честью, просто за ворот возьму.

Анна Устиновна. Ну, где тебе! Ты лучше попроси хорошенько. Взять бы с него, что придется, да и развязаться с ним. Много тебе писать-то?

Кисельников. Всю ночь пропишешь. Да ведь это не свое дело, это за деньги. Слава Богу, что еще дают работу; вон сколько набрал ее, рублей на шесть.

Анна Устиновна. Никак кто-то калиткой стукнул? Не слыхал ты?

Кисельников. Кто-то стукнул. Кому ж бы это?

Анна Устиновна (заглянув в дверь). Тесть твой, тесть. Тереби его хорошенько! Я уйду.

Кисельников. Прежде я с ним все лаской, а теперь грубить стану; право, маменька, грубить стану.

Анна Устиновна уходит. Входит Боровцов, бедно одетый, и Переярко́в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кисельников, Боровцов и Переярко́в.

Боровцов. Помешали, что ль, тебе?

Кисельников. Нет, ничего. Всего дела не переделаешь. Мне всю ночь-то писать, так уж полчаса куда ни шло. Что хорошенького скажете?

Боровцов (садясь). Дай присесть-то, потом и разговаривать начнем.

Переярко́в. Надо тебе будет одну бумажку подписать.

Кисельников. Что вы мне всё носите бумаги подписывать; а деньги-то когда же? Хоть что-нибудь дайте!

Боровцов. Что теперь с меня взять? В упадок пришел, – я теперь, брат, невинно-упадший, хоть в работники к тебе, так в ту ж пору.

Кисельников. Да что ж вы, папенька, со мной делаете! Ведь мы – нищие совсем.

Боровцов. Что ж, брат, делать-то? И я нищий, – Божья воля. Ведь я не злостный, не умышленный, а несостоятельный, несчастный, невинно-упадший.

Кисельников. Кто вас несчастным-то признал, – подставные кредиторы, которым вы дутых векселей надавали. Что у вас за несчастье! Ни пожара, ни пропажи не было. Зажали деньги-то, папенька. Пожалейте хоть внучат-то, вон они больные лежат.

Боровцов. Тише ты, тише! Нешто так говорят со старшими? А ты по заповедям живи, старших-то почитай.

Кисельников. Ведь мне с детьми-то по миру приходится идти!

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Боровцов. Все под Богом ходим. Я тебе помогал в твоей бедности, пока я был в силах.

Кисельников. Вы меня приданным обманули, ничего денег не дали; ну, да уж я этого не ищю; а мои-то где, мои собственные? Дом-то где?

Боровцов. Что ты кричишь-то! Ведь я не займы у тебя брал, векселя тебе не давал, а расписку; ты мне на оборот дал, разжиться захотел. А оборот – дело обоюдное: либо наживешь, либо проживешь. Вот мы и прожили; с кого ж теперь искать? Ищи на тех, за кем твои деньги пропали. А что дом захряс в залогах, я чем виноват? Твоя была воля отдавать. Подряд все одно, что лотерея, – на счастье пускается.

Кисельников. Папенька, отец-благодетель! У вас деньги есть, – вы припрятали, много припрятали, – не дайте нам умереть с голоду.

Боровцов. Да что говорить! Деньги есть, как без денег жить, я не дурак.

Кисельников. Вот вы сами говорите, что у вас деньги остались. Вот сейчас, папенька, сказали, ведь вы сами сказали. А у меня нет, ей-богу, ничего нет.

Боровцов. Да хоть и остались, все-таки я тебе не дам; надо же нам со старухой как-нибудь век доживать. На нужду, коли уж тебе невмочь, да забежишь ты ко мне – ну, когда откажу, а когда и не откажу совсем-то, а умрем – все ваше останется. Из вещей что-нибудь дадим; вот фортепьянишки есть старенькие; нам теперь, при нашем несчастье, держать их не пристало.

Переярков. Да что вы за разговоры завели! За делом пришли, а не разговоры разводить; мне время-то дорого, у меня другие конкурсы есть. (Смотрит на часы.) Вона, десятый час! Вот предложите зятю-то, коли в нем человеческие чувства есть, пусть подпишет эту бумагу-то.

Боровцов. Есть в тебе чувство, Кирилла? Говори.

Переярков. Заплачь! Что ж ты не плачешь! Твое теперь дело такое, сиротское. Ведь перед другими же кредиторами будешь плакать. Придется и в ноги кланяться.

Боровцов. Заплачу, право заплачу. (Со слезами.) Кирюша! Отец я тебе или нет? Благодетель я тебе был?

Кисельников. Да что вы, папенька?

Боровцов (подает ему бумагу). Читай бумагу!

Кисельников (читает). «Я, нижеподписавшийся, будучи убежден вполне обстоятельствами дела, что несостоятельность бывшего купца, а ныне мещанина Пуда Кузьмича сына Боровцова произошла от разных несчастных случаев и от неплатежа и корыстной злонамеренности его должников, – зная его всегдашнюю честность, преклонные лета и затруднительное болезненное состояние и удручение от трудов и семейства...»

Боровцов (со слезами). Видишь, видишь!

Кисельников. «Признаю его невинно-упавшим и иск свой по расписке в пять тысяч рублей ассигнациями и претензию о доме сим совершенно и навсегда прекращаю».

Боровцов. Вот оно, Кирюша, какое дело-то!

Кисельников. Что же теперь... Я не знаю... Как же мне быть-то?

Переярков. Подпиши, да и все тут. После всякого доброго дела на душе легче бывает, радость эдакая.

Кисельников. Папенька, как же... так от всего и отказаться?

Боровцов. Чужие мы, что ли? Не родня мы? Что ж, забуду я, что ль, такое твое благодеяние! Чай, мы христиане...

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Переярко. Ведь тебе уж все равно, а нам для формы нужно.

Кисельников. Значит, папенька, я должен буду теперь только вашим словам поверить, что вы меня не оставите.

Боровцов. Да как же не поверить-то, чудак! Уж я тебя потом... Уж озолочу потом.

Кисельников (берет перо). Вот, папенька... Ах, руки трясутся... Смотрите же, папенька, я душе вашей верю. (Подписывает.)

Переярко (берет бумагу, складывает и кладет в карман). Ну, вот и конец, а ты сомневался. Видишь, какой благородный зять-то у тебя; по скольку за раз дарит. А ты говорил: не уломаешь. Видишь, как скоро, да и без расходов.

Боровцов. Да, теперь как гора с плеч. Ты, Кирюша, парень хороший, право хороший! А я думал было, что ты заломаешься. Ведь и другие то же пишут, что ты; да даром-то еще никто не подписал.

Кисельников. Как, разве вы платили?

Боровцов. Да как же не заплатить-то, чудак! Кому половину, кому двадцать пять, глядя по характеру. А ты вот молодец! Видно, что любишь тестя. Я думал, что и ты тоже заломил, так приготовил было тышчонки две и с собой захватил. Заткнуть, мол, ему рот-то, чтоб не шибко кричал.

Кисельников. Так они с вами? Дайте, папенька, дайте! Хоть тысячу дайте, я оживу!

Боровцов. Ну нет, брат, другим годятся, кто посердитей. Ишь ты, дай ему тысячу! Легко сказать! Ты, видно, счет в деньгах-то позабыл, тысяча – много денег.

Кисельников. Уж вы отложили; вы хотели дать. Что вам стоит!

Боровцов. А ты трудись.

Кисельников. Тржусь, по ночам сижу, здоровье мое в этой работе уходит. Грош я вырабатываю, грош. Дайте денег, папенька, дайте! Я докажу, я донесу; вы меня ограбили.

Боровцов. Каких тебе денег? Мы с тобой квиты. Если ты просишь теперича себе на бедность, так нешто так просят! Нешто грубиянить старшим ты можешь? Ты б грубиянил давеча, как право имел, пока не подписал. Тогда я тебе кланялся, а теперь ты мне кланяйся. Дураки-то и всё так живут! Был я у тебя в руках, так не умел пользоваться. А теперь прощай. Никто тебя, дурака, не неволил, силой тебя не тянули подписывать-то! Что смотришь-то?

Переярко. Да об чем толковать-то! Дело покончили.

Кисельников. Уж я ничего не понимаю... Прежде голодал, так хоть впереди надежда была какая-нибудь... Бедные дети, ведь они – твои внуки!...

Боровцов. Внуков не забудем; будь и ты почтительнее, и тебе лучше будет. Форсом ничего не возьмешь.

Переярко. Ну, с Турунтаевым ты так дешево не отделаешься.

Боровцов. Турунтаеву ни копейки не дам; я теперь рассердился.

Переярко. Не дайте-ка ему, так он удавится, право удавится... Его уж раз из петли вынимали.

Боровцов. Пушай давится, – черту баран... Пойдем. Прощай, Кирюша, спасибо тебе! Постой, так не уйду, не бойся; у меня тоже чувство-то есть; свои дети были. (Вынимает из кармана несколько мелочи.) На вот! Купи детям чего-нибудь сладенького. Прощай!

Переярко. Много ты тестю помог, много. Путал его этот долг, ты ему руки развязал. Ты послушай, что он говорил! Этот долг, Кирилин, не по документу, а по совести, я заплатить должен. А ты ему простил; какой ты праздник для него

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
сделал!

Боровцов. Как же не праздник-то, чудак! Больше пяти тысяч подарил. Прощай!
(Переяркову.) Ну, уж и бумагу-то ты ловко написал! Станешь читать, так слеза и
прошибает. (Уходят.)

Кисельников. Детки мои, детки! Что я с вами сделал! Вы – больные, вы – голодные;
вас грабят, а отец помогает. Пришли грабители, отняли последний кусок хлеба, а я
не дрался с ними, не резался, не грыз их зубами; а сам отдал, своими руками
отдал последнюю вашу пищу. Мне бы самому людей грабить да вас кормить; меня бы и
люди простили, и БОГ простил; а я вместе, заодно с грабителями, вас же ограбил.
Маменька, маменька!

Анна Устиновна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кисельников и Анна Устиновна.

Анна Устиновна. Что ты, Кирюша?

Кисельников. Маменька, посидите со мной, не уходите от меня.

Анна Устиновна. Да что ты, что ты? Бог с тобой!

Кисельников. Приносил деньги-то.

Анна Устиновна. Ну так что же, Кирюша?

Кисельников. Зачем вы меня на свет родили? Ведь я не взял денег-то.

Анна Устиновна. Что ты наделал! Варвар! Что ты с нами сделал!

Кисельников. Принесли бумагу какую-то, сунули мне, я и подписал.

Анна Устиновна. Эки злодеи, эки злодеи! На кого напали-то! Кого обидеть-то
захотели! Бога они не боятся...

Кисельников. Да, маменька, пришли, ограбили, насмеялись и ушли. Ах, маменька,
как мне трудно стало, грудь схватило! А работы много, вон сколько работы! Нищие
мы теперь, нищие!

Анна Устиновна. Не ропщи, Кирюша, не ропщи.

Кисельников. Ох, умереть бы теперь!

Анна Устиновна. А дети-то, дети-то!

Кисельников. Да, дети! Ну, что пропало, то пропало.

Анна Устиновна. А ты посиди, отдохни; а за работу после примешься.

Кисельников. Когда отдыхать-то! Дело-то не терпит! Ну, маменька, пусть они
пользуются! Не разбогатеют на наши деньги. Примусь я теперь трудиться. День и
ночь работать буду. Уж вы посидите со мной! Не так мне скучно будет; а то
одного-то хуже тоска за сердце сосет. (Принимается писать.)

Анна Устиновна. Посижу, посижу, всю ночьку просижу с тобой.

Кисельников (про себя говорит и пишет). «А по справке оказалось: при прощении,
поданном в калиновское городническое правление, малиновский мещанин Гордей
Яковлев сын Кудряев представил три векселя и с протестами, писанные на имя
малиновского купца Сидора Сидорова Угрюмова: первый, на сумму сто рублей,
сроком...» Нет-нет, да вдруг так за сердце и ухватит, – денег-то очень жалко.

Анна Устиновна. Как же не жалко-то! При всей нашей бедности, да такую сумму...

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Кисельников. Ох, уж не говорите! (Пишет сначала молча, потом говорит вслух.)
«Малиновский купец Сидор Угрюмов, поданным в оное же городническое правление
сведением, в коем объясняет...»

Анна Устиновна. Кирюша!

Кисельников. Что вам, маменька?

Анна Устиновна. Я поговорить с тобой хочу. Ты пиши, пиши.

Кисельников. Говорите, маменька. (Пишет.)

Анна Устиновна. Ты вот теперь обязан семейством, у тебя мать-старуха...

Кисельников. Да-с. (Пишет.)

Анна Устиновна. Ты уж очень совестлив, как погляжу я на тебя. Нынче так жить
нельзя.

Кисельников. Что ж с этим делать-то! (Пишет.)

Анна Устиновна. Вот что, Кирюша; ты меня послушай! Никакая мать своему сыну
дурного не пожелает. А коли посоветует, так уж этот грех на ней будет, а сыну
Бог простит. Вот теперь ночь, мы с тобой одни... ты видишь нашу нужду... переломи,
Кирюша, себя, бери взятки... я за тебя, Кирюша, Бога умолю, – я каждый день буду
ходить молиться за тебя, я старуха...

Кисельников. Что вы, маменька, говорите!...

Анна Устиновна. Конечно, мать-то должна добру учить; да уж ты, Кирюша, не брани
меня. Видя-то нашу горькую бедность...

Кисельников. Маменька, маменька, не мучьте меня!

Анна Устиновна. Прости меня, Кирюша! Душа-то у тебя какая чистая!

Кисельников. Ах, маменька! Нет, нет. Вы любите меня, вот вам и кажется, что у
меня душа чистая...

Анна Устиновна. Стыдишься ты брать-то.

Кисельников. Был у меня стыд, а теперь уж нет, давно нет.

Анна Устиновна. Так отчего ж бы тебе...

Кисельников. Вы думаете, я не взял бы?...

Анна Устиновна. Так чего ж ты боишься?

Кисельников. Взял бы я, маменька, взял бы.

Анна Устиновна. Так бери! Вот тебе мое благословение!

Кисельников. Ах, маменька! Взял бы я... да не дают... (Опускается головой на стол.)
За что мне дать-то! Я не доучился, по службе далеко не пошел, дел у меня больших
нет, за что мне дать-то?

Анна Устиновна. Экой ты у меня бедный! Экой ты у меня горький! (Обнимает его.)
Кирюша, Кирюша, кто-то стучит. Отпирать ли?

Кисельников. Не тесть ли воротился? Отоприте.

Анна Устиновна уходит. Кисельников прислушивается. Голос за сценой: «Здесь живет
чиновник Кисельников?»

Голос Анны Устиновны: «Здесь. Пожалуйте». Входит неизвестный.

Кисельников и Неизвестный.

Неизвестный. Вы господин Кисельников?

Кисельников. Точно так-с.

Неизвестный (садясь). Вы, должно быть, очень бедно живете?

Кисельников. Сами изволите видеть.

Неизвестный. Да. Ну, это может поправиться. У меня много частных поручений; если хотите, можете заниматься у меня. Вам тысячи рублей в год будет?

Кисельников. Как вы изволили сказать?

Неизвестный. Тысячу рублей.

Кисельников. Мне тысячу рублей-с!... Это благоденствие такое-с... Я, помилуйте... так благодарен-с... Мне и во сне-то... Позвольте узнать, с кем говорю-с.

Неизвестный. Это вам все равно; вы узнаете после. Я поверенный по многим большим делам.

Кисельников. В суде я вас никогда не видал-с.

Неизвестный. Я сам не бываю, у меня есть агенты, которые за меня ходят по судам. Я только вчера приехал; а впрочем, я все знаю, что у вас в суде делается.

Кисельников. Кто-нибудь из наших сообщает-с?

Неизвестный. Да, ваши у меня бывают, забегают частенько и, кажется, остаются мною довольны. Что это у вас делов-то сколько?

Кисельников. Работа-с; надо же чем-нибудь жить.

Неизвестный. Оно так, а все ж таки на дом-то брать дела неловко, запрещено законом.

Кисельников. Коли вы поверенный по делам-с, так вы изволите знать, что не всякий закон исполняется.

Неизвестный. Ну, конечно. Вам верят, вы человек честный, оттого вам и дают. Да тут всё и дела-то неважные. А вот у вас есть дело Чернойорского.

Кисельников. Почем же вы знаете-с? Я его только сегодня взял.

Неизвестный. Я вам говорю, что мне все известно. Вот это дело, будь я ваш секретарь или столоначальник, я бы вам не дал.

Кисельников. Отчего же? Я его еще и не смотрел.

Неизвестный. Оттого, что искушение велико. Покажите мне его.

Кисельников. Да как же-с!

Неизвестный. Покажите, я вам говорю. Чего вы боитесь! Вот оно у вас в платке завязано.

Кисельников (развязывая платок). Вот-с, дело Чернойорского-с.

Неизвестный. Это дело с лишком во сто тысяч, как же его вам поверили?

Кисельников. Отчего же не поверить-с? Я всегда-с...

Неизвестный. Оттого, что тут есть документ; если его испортить, так и все дело пропало.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Кисельников. Как же это испортить-с?

Неизвестный. Ха, ха, ха! Вы не знаете? Ну, взять написать что-нибудь да потом ножиком подчистить. Вот какие дела доверяют! Ай, ай, ай! (Качает головой.)

Кисельников. Как же это можно-с! Такая фальшь-с... Кто же решится?

Неизвестный. Кто решится? Дадут тысячи три-четыре, так всякий решится.

Кисельников. Нет, уж вы не извольте беспокоиться, у меня будет сохранено, у меня и руки-то не подымутся.

Неизвестный. Не подымутся. Так я вам и поверю. Такие же у вас руки-то, как и у всех.

Кисельников. Нет, меня еще Бог миловал, я никогда...

Неизвестный (отворотясь, отсчитывает деньги). Вот вам три тысячи! Марайте документ, пишите что-нибудь.

Кисельников (встает) Как! Что вы-с! Помилуйте-с!

Неизвестный. Садитесь! Вот деньги. Сосчитайте прежде.

Кисельников. Да зачем-с?

Неизвестный. Сосчитайте, я вам говорю.

Кисельников машинально считает.

Ну, сколько?

Кисельников. Три тысячи-с.

Неизвестный. Ну, положите их к себе в стол.

Кисельников (смотрит на него умоляющим взглядом). Нет, зачем-с, зачем-с! Не нужно бы-с!

Неизвестный. Ну, милый мой, ну, дорогой мой! Голяк ведь ты! Бери, бери, после спасибо скажешь.

Кисельников. Право, не нужно бы-с! (Убирает деньги.) Ей-богу, не нужно бы-с! Господи! Что же это я делаю! (Плачет.)

Неизвестный (развернув дело). Об чем же ты плачешь, мой милый? Видно, в первый раз. Ну, теперь бери перо.

Кисельников берет перо.

Пиши что-нибудь. Что-нибудь пиши, все равно.

Кисельников (дрожа). Написал-с.

Неизвестный. Что ты пишешь-то! Вот потеха! Ну, да все равно! Вот ножичек. Почисти, чтобы видно было, что тут была подпись.

Кисельников чистит ножом.

Ну, вот так. Ну, довольно! (Берет дело, складывает и кладет на стол.) Знаешь ли, что ты наделал?

Кисельников. Ничего не знаю-с. Уж вы меня не погубите. Семейство-с!

Неизвестный. А то руки, видишь ты, у него не поднимутся! Ох вы, горечь! Я и не таких, как ты, покупал. Любо с вами дело делать. Вашему брату ничего заветного нет, все продаст! Ведь ты, знаешь ли, ты мне за три тысячи полтора ста тысяч

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru продал! Теперь с нас по этому документу немного взыщут. А пойдет следствие о подлоге, так опять-таки нам выгода та, что дело затянется, в Сибирь-то пойдешь все-таки ты, а не мы. Ты хоть уж покути на эти деньги-то, чтоб не даром отвечать. (Хочет уйти.)

Кисельников. Как же это-с! Нет, вы позвольте-с! Куда же вы-с? Я еще в себя не приду.

Неизвестный. Что ж, мне тут и сидеть с тобой! Утешать тебя! Да ты не бойся, мы за тобой будем следить, до Сибири не допустим. А ты пока деньги-то не сори, чтоб подозрения не было. Прощай! (Уходит.)

Кисельников. Что я наделал! Что я наделал! (Развертывает дело и смотрит.) Уж теперь поправить ничем нельзя. А-ах! Дрожь какая-то! Уж не подсыл ли это? Сейчас могут наехать, накроют меня и с деньгами. А может быть, и номера записаны? Вот когда лихорадка-то! Да хоть и не с подсылем, так как же я дело в суд-то понесу! Столоначальник взглянет, сейчас меня и арестуют, не дадут и с детьми повидаться. А там лишение чинов, каторга, станут над головой шпагу ломать; ну вот и колодник! Ах ты, батюшки, как зубы стучат! Да и холодно что-то у нас. Вот ведь недавно, полчаса каких-нибудь, был я честный человек, чиновник; хоть бедный, а обыватель; идешь это по улице и ничего; тот руку подает, другой руку подает: «здравствуйте», говорит; на рынок ходишь, в праздник в церкви стоишь, что другие, то и ты; а теперь за железную решетку, в серое сукно оденут. Хоть деньги-то детям останутся; отца-то у них уже не будет. Спрятать бы деньги-то! Маменька!

Входит Анна Устиновна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кисельников и Анна Устиновна.

Кисельников. Маменька, деньги вот..., вот! (Подает деньги.)

Анна Устиновна. Какие это деньги, Кирюша?

Кисельников. Деньги... Тут много.

Анна Устиновна. Да вижу, что деньги, да откуда они у тебя?

Кисельников. Три тысячи. Спрячьте их, подальше спрячьте, чтоб не нашли.

Анна Устиновна. Да куда же я их спрячу?

Кисельников. Ах, Боже мой! Ну, по щелям, за обои, в тряпки заверните. Чтоб вам деньги-то остались, чем вам жить-то с детьми после меня.

Анна Устиновна. Спрячу, спрячу, нигде не найдут. Откуда ж ты взял-то их, скажи ты мне?

Кисельников. Взят... вот тут... барин приходил... Ах, маменька, как мне страшно!

Анна Устиновна. Да ты опомнись, ишь ты весь дрожишь. Что такое с тобой случилось?

Кисельников (взявшись за голову). Да-да-да! Ах я дурак! Ведь еще, может быть, я и не попадусь. Побегу я в суд, положу дело-то в шкаф, дежурный спит теперь! Где фрак-то, маменька? (Снимает халат.)

Анна Устиновна. Здесь, здесь, вот он. (Надевает на него фрак.)

Кисельников. А проснется дежурный, так я скажу, что забыл что-нибудь, а дело-то тихонько и суну в шкаф. А после скажу, что не брал. Сделал одну подлость, сделаю и другую. (Хочет идти.)

Анна Устиновна. Постой! Куда ты без галстука-то! дай я завяжу тебе.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Кисельников (в то время, как Анна Устиновна завязывает галстук). Там двое
видели, как я брал; а я запрუსь, скажу, что не брал, не брал. Я, маменька,
скажу, что не брал. (Со слезами.) Запираться надо, маменька, только одно
осталось; одно мне и осталось.

Анна Устиновна. Да что ты? Бог с тобой!

Кисельников. Маменька, ведь я на волос от каторги... Завтра же, может быть...

Анна Устиновна. Кирюша, Кирюша!

Кисельников (в изнеможении опускаясь на колени). Маменька, ведь я преступник...
уголовный преступник!

СЦЕНА IV
ЛИЦА:

Кисельников, 39 лет, одет в старое пальто, панталоны в сапоги.

Анна Устиновна.

Лизанька, 17 лет.

Боровцов, 57 лет, одет так же, как Кисельников, к пальто приколоты две
миткалевые манишки, через плечо повешены ситцевые и холстинковые рубашки, как у
площадных торговцев.

Погуляев.

Бедная комната с русской печью, за занавеской кровать; посредине комнаты дощатый
стол и скамья.

Между третьей и четвертой сценой проходит 5 лет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кисельников и Боровцов (сидят за столом на скамейке), Анна Устиновна (сидит на
кровати).

Боровцов. Сватьяшка, тебе много ли годов-то?

Анна Устиновна. Шестьдесят скоро.

Боровцов. Ну да, так. Я тебя одним годом моложе. А это чай мы свой пьем.

Анна Устиновна. Слышу, батюшка, что свой.

Боровцов. Свой, да. Мы вчера с зятем пять золотников купили. Собрался я нынче на
площадь торговать-то: дай, думаю, к зятю зайду, вместе пойдем, – вот и зашел.
Поставили мы с ним самовар, да вот и пьем сидим. (Зятю). Ты чем нынче
торговать-то будешь?

Кисельников (суетливо). Да вот две жилеточки старенькие да уютюг; вот тут у меня
собрано. Соседи дали, – соседи у нас добрые; вот только ребятишки забижают. Да
вот и гвоздиков старых в кулечек набрал. А соседи у нас добрые! Соседка «на,
говорит, Кирюша, нам не нужно, все равно бросим, а ты за что-нибудь продашь».
(Пьет чай.)

Боровцов. Сватья, манишки нынче в цене, мужские.

Анна Устиновна. Что мудреного!

Боровцов. Все носить стали, – вот они и в цене. У меня старухи шьют, а я продаю;
вот тоже рубашки, ситцевые, холстинковые. Да шьют-то больно плохо, не видят
старухи-то, и бродят, точно куры слепые; а сходят с рук, ничего. Вот и ты бы
шила, а мы бы продавать стали.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Анна Устиновна. Где уж мне шить, я и вяжу-то – ничего не вижу; одна у нас работница, одна кормилица! Не будь ее, что бы мы были! Хоть по миру ступай!

Боровцов. Да, Лиза у нас рукодельница! Вот бы кому замуж ее взять! Для хозяйства-то уж больно ловка. Эта девка знает нужду-то, в чем она ходит; ни от какого дела у ней руки не отваливаются.

Анна Устиновна. Что она нейдет-то! Вышиванье понесла, да вот и замешкалась! Уж я и боюсь, одна ведь по Москве-то ходит.

Боровцов. Что ж такое! Не в лесу живем.

Анна Устиновна. Москва-то хуже лесу.

Боровцов. Вот, сватья, чем под старость торговать-то пришлось. А богат я был, по прежнему-то времени и очень богат, да мало показалось, за большим погнался. Не захотелось платить тем, кому должен был; так за это вдвое заплатил, кому и вовсе должен не был. Всё просудил до ниточки. Переярков меня уж очень доехал. «Ты, говорит, так делай да вот так делай», да тридцать тысяч с меня за науку взял. А как стали дело-то разбирать, он-то в сторону, а меня и потянули. За что ни возьмутся, все фальшь, и книги-то фальшивые, – а все его стряпня. Начали меня судить, начали меня мытарить, – и ямы-то ему мало, и в острог-то его! Возьмите, говорю, все, только душеньку отпустите. Так и вышел я из этого дела чист, как из баньки. Вот тебе и барыши! Вас-то я только тогда обидел ни за что ни про что; себе пользы не сделал, а вас ограбил.

Анна Устиновна. Ах, да молчи ты! Что ты при нем-то! Ну, очнется да вспомнит. Наладил одно и то же; не один раз я это от тебя слышала.

Боровцов. Да уж очень обидно! А ему где вспомнить! Он, сватья, ничего не помнит. Мы теперь с ним приятели. Кирюша, пойдем торговать.

Кисельников (торопясь). Пойдем, пойдем.

Боровцов (убирая посуду). Ты так жилетки-то не держи; долго ль до греха, потеряешь либо кто вытащит; а ты их надень на себя сверху, одну на другую. А я куда самовар уберу. (Ставит самовар у печки.)

Кисельников. Сейчас, сейчас. (Надевает жилетки.)

Боровцов. Ну вот, теперь пойдем.

Кисельников. Пойдем, пойдем. Я все захватил, все. Талан-доля, иди за мной, я буду счастлив, и ты будешь счастлив!

Боровцов. Прощай, сватья! Вот хорошо. Это я его научил. Как, говорю, Кирюша, за чем пойдешь или получить чего хочешь, тверди эту пословицу – дело верней будет. (Уходят.)

Анна Устиновна. Что это, право, Лиза нейдет! Сердце у меня не на месте. Девушка беззащитная, кроткая, вся в отца – долго ль ее обидеть? Народ бессовестный, видят, что девушка плохо одета, ну и пристают. А не знают того, что эта девушка, как только на ноги поднялась, так семью кормить стала, с утра до ночи работает, отдыху не знает, что мы на нее чуть не молимся. Захворай она, так мы наголодаемся.

Вбегает Лиза, за ней входит Погуляев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Устиновна, Лиза и Погуляев.

Лиза. Ах, бабушка, бабушка! Никак дух не переведу.

Анна Устиновна. Что с тобой, душенька, ты испугалась чего-нибудь?

Лиза. Ах, испугалась! Вы погодите, я вам после скажу. Вон барин пришел.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Анна Устиновна. Какой там барин? Зачем к нам барин? Делать-то, видно, ему нечего.

Лиза. Нет, он, кажется, добрый. Что я за несчастная такая! (Садится к столику и со слезами принимается за работу.)

Анна Устиновна. Все они добрые, только упаси нас, Господи, от их доброты! (Погуляеву.) Что вам, батюшко, нужно?

Погуляев. Это ваша дочка?

Анна Устиновна. Дочка ли, чужая ли, никому до того дела нет.

Погуляев. Да и мне все равно, только если вы ее любите, так одну не пускайте по улицам ходить. Кто захочет впутываться в историю, заступаться на улице за постороннюю девушку; а обидеть охотники всегда найдутся. Вот нынче, сейчас, какие-то господа подхватили ее на бульваре под руки, она так испугалась, что и слова не вымолвит, а они идут, песенки распевают да на всех посматривают. Хорошо, что я подъехал.

Анна Устиновна. Ах, батюшко, покорнейше вас благодарю! Что ж ты, Лизанька, молчишь? А я и не понимаю, с кем говорю-то.

Погуляев. Они, конечно, большой обиды ей бы не сделали; сейчас видно, что это шалуны, но ведь она могла испугаться очень и даже захворать с испугу.

Анна Устиновна. Долго ли ее напугать; что говорить – кротости она у нас непостижимой.

Погуляев. Так вот я вам советую: вы ее вперед одну не пускайте!

Анна Устиновна. Да с кем же нам отпустить ее? Отец больной, я стара; она одна работает, одна нас кормит, одна и работу свою в магазин носит. Нужда, батюшко.

Погуляев. Вижу, что нужда! Эко дело-то! Вам бы женщину нанять.

Анна Устиновна. На какие, батюшко, деньги? Есть у нас заветные, на приданое отложены, – так тех трогать не хотим. Только тронь и не увидишь, как истратишь, а ей-то ничего не останется. Дорого достались нам эти деньги: из-за них отец ее рассудок потерял.

Погуляев. Мне кажется, что я вас где-то видал; мне ваше лицо знакомо.

Анна Устиновна. Было время, жили хорошо, – так и нас люди знали, а теперь все бросили.

Погуляев. Конечно, в вашем положении вспоминать о старом неприятно; но вы меня извините за нескромность, позвольте узнать вашу фамилию.

Анна Устиновна. Что ж тут неприятного! Божья воля! Я – Кисельникова, батюшка.

Погуляев. Кисельникова? И вы не матушка ли Кирила Филипповича Кисельникова?

Анна Устиновна. Так точно.

Погуляев. Ах, Боже мой, Боже мой! Жив он?

Анна Устиновна. Жив-то жив, да уж лучше вы и не спрашивайте! А вы-то кто же такой будете?

Погуляев. Погуляев. Помните, еще я у вас часто бывал студентом, потом один раз был у него у женатого. Теперь адвокат, стряпничеством занимаюсь.

Анна Устиновна. Помню, как не помнить; а не скажите, ни за что бы не узнала. Вот полюбуйтесь на наше житье.

Погуляев. Что ж такое с вашим сыном сделалось?

Анна Устиновна. Семья, батюшко, да родные Кирюшу сгубили. Служба ему не далась; как-то он к ней не присноровился; пока были свои деньги, так мы еще бедности не видали. А потом тесть все деньги у Кирюши отобрал; тут жена умерла; тесть обанкрутился; пропали все денежки; беда за бедой; захворали дети, – а жить чем-нибудь нужно! Тут, как на грех, и подвернулся чей-то поверенный, сунул Кирюше тысячи три денег: тот от бедности да от горького житья и прельстись на деньги-то, да фальшь какую-то в суде и сделал. И напал на него страх, суда очень боялся, так и помешался в рассудке со страху. Сколько я денег пролечила, ничего не помогает.

Погуляев. Какого же роду у него помешательство?

Анна Устиновна. Ничего не помнит, что было с ним, никого почти не узнает. Прежде у него это временем проходило, – иногда, бывало, и опомнится, говорит складно, вспоминает свою жизнь, жену-покойницу, плачет; а теперь все реже да реже. Все бегают да суетится, точно зверек какой, прости Господи! Гвоздиков, пробок наберет, да надают ему всякой дряни, бежит продавать, – принесет мне денег копеек пять-шесть, забормочет: «Детям, детям принес. Берегите детям». Как он всю жизнь для детей хлопотал, бедный, о том только и помнит. А уж я и детей-то всех прихоронила, одна вот только и осталась.

Погуляев. Так это его дочь! (Лизе.) Позвольте мне на вас поглядеть хорошенько. Я вашего папеньку знал молодым, красивым.

Лиза. Разве он был когда-нибудь молод?

Анна Устиновна. Что ты, глупенькая! Все были молоды.

Лиза. Я не то хотела сказать... (Подумав.) Нет, то! Я никак и вздумать его не могу, чтоб он был молод.

Погуляев. Он был щеголь, веселый!

Лиза. Бабушка говорит, что и деньги у него были, а теперь вот нет. У вас есть деньги?

Погуляев. Есть.

Анна Устиновна. Что ты, матушка, как глупо говоришь.

Лиза. Об чем же мне говорить с вами? Я больше ничего не знаю.

Погуляев. Нет, ничего. Она хорошо говорит.

Лиза (серьезно). Где ж вы деньги взяли? Вы нашли или вам кто-нибудь дал?

Погуляев. Я за работу получал, вот и накопил.

Лиза. За работу очень мало дают, накопить нельзя. Я вот очень много работаю, а денег дают мало.

Погуляев. Наша работа больше вашей ценится.

Анна Устиновна. Боюсь я, надоест она вам своими глупостями.

Лиза. Нет, бабушка, позвольте! У меня давно в голове поговорить с кем-нибудь. Они уйдут, с чужими я говорить не стану, так у меня на сердце и останется. Я и то все одна сию да сама с собой думаю.

Погуляев. Говорите, ради Бога, говорите! Я всегда готов вас слушать.

Лиза (решительно). Вот что: укажите мне работу такую, за которую бы больше платили; а то, посмотрите, вот какая комната, вон бабушка, как она одета! У нас ничего нет; я работаю-работаю и никак из нужды не выбьюсь. (Плачет.)

Погуляев. Перестаньте! Давайте потолкуем.

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Лиза. Я девушка молодая, а взгляните, что на мне! Мне стыдно на улицу выйти. Я не хочу рядиться, мне хоть бедное платье, да чтоб оно было чисто, ново, по мне сшито. Я хороша собой, молода – это уж ведь мое; мне хочется, чтобы и люди видели, что я хорошенькая, а у меня сердце замирает, как я начну надевать эти лохмотья: я только себя уродую. (Плачет.)

Погуляев. Да перестаньте же, перестаньте! Ах, Боже мой! Потолкуем так, без слез.

Лиза. Легко вам говорить: «без слез»! Да и что толковать! Нам, бедным людям, толковать некогда. Вы мне работу дайте! Пусть она будет вдвое, втрое труднее, только бы мне денег больше вырабатывать, чтоб комнату нанять посветлее да одеться почище.

Погуляев. Я вам найду работу, погодите.

Лиза. Найдите, только поскорей. Мне уж надоела нужда, я выбилась из сил. Если найдете, я вам буду очень благодарна. (Шьет молча.)

Погуляев. Поищу, поищу.

Анна Устиновна. А вы сами-то себя устроили?

Погуляев. Не совсем.

Анна Устиновна. Чего же вам недостает?

Погуляев. Счастья. (Подходит к Анне Устиновне.) В память старого знакомства не откажитесь принять от меня эту малость. (Дает ей ассигнацию.)

Анна Устиновна (берет). Если счастья у вас нет, так деньги есть, значит, еще жить можно. Покорно благодарим, что нас, сирот, вспомнили. Навещайте.

Лиза. Куда же вы? Я еще хотела с вами поговорить.

Погуляев. Мне нужно домой. Вы извините. Я зайду к вам! У меня есть дело!

Лиза. Вы не привыкли видеть бедность! Вам тяжело с нами. Ну, ступайте!

Погуляев уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Устиновна и Лиза.

Анна Устиновна. Что это, Лиза, ты так груба?

Лиза. А со мною кто ласков, кроме вас?

Анна Устиновна. А чем же он-то не ласков? Вот посмотри, он нам денег дал.

Лиза. На его деньги нам весь век не прожить, лучше бы он мне работу дал.

Анна Устиновна. У тебя и то работа из рук не выходит, а тебе все мало, хоть бы ты себе отдых дала. Лиза. Отдых? Нет, отдыхать некогда, да и нельзя.

Анна Устиновна. Отчего же нельзя?

Лиза. А вот отчего: если работать сплошь, день за день, так работа легче кажется; а если дать себе отдых, так потом трудно приниматься. После отдыха работа противна становится.

Анна Устиновна. Что ты, что ты! Господь с тобой!

Лиза. Да, противна. Она и всегда не сладка, да уж как свыкнешься с ней, так все-таки легче. Вы думаете, что мне самой погулять не хочется? Вы думаете, что мне не завидно, когда другие гуляют?

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Анна Устиновна. Как, чай, не завидно.

Лиза. Нет, нет. Я вас знаю. Вы думаете, что я с радостью работаю, что мне это весело; вы думаете, что я святая. Ах, бабушка!

Анна Устиновна. Святая, святая и есть.

Лиза. Сказать ли вам, что у меня на душе?

Анна Устиновна. Да что ж у тебя, кроме ангельских помыслов?

Лиза. Нет, лучше не говорить. Сказать, так вы испугаетесь.

Анна Устиновна. Ангел-хранитель над тобой!

Лиза. Ах, бабушка, я боюсь, я боюсь...

Анна Устиновна. Чего же ты, душенька, боишься?

Лиза. Я боюсь, что надоест мне работа, опостылеет, тогда я ее брошу...

Анна Устиновна. Поди ко мне, поди, дитя мое! Господи, сохрани ее и помилуй!

Лиза (вставая). Бабушка, давайте молиться вместе! Трудно мне, трудно! (Подходит к Анне Устиновне.)

Входит торопливо Кисельников.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анна Устиновна, Лиза и Кисельников.

Кисельников. Конура, конура...

Анна Устиновна. Что, что ты?

Кисельников. Конура, говорит, собачья конура...

Анна Устиновна. Да кто говорит-то?

Кисельников. Вот я пришел, вот я пришел... Вот деньги! Я взял, принес... Деньги спрятать, спрятать... (Отдает Анне Устиновне десятирублевую ассигнацию.)

Анна Устиновна. Где ты взял, Кириуша, столько денег? Товару-то у вас всего на какой-нибудь рубль было.

Кисельников. Нет, товар здесь, не продали, ничего не продали. Нынче день тяжелый, тяжелый день. Торговцы говорят, – нейдет, говорят, товар с рук, день тяжелый.

Анна Устиновна. Где ж ты взял?

Кисельников. Там... барин, такой...

Анна Устиновна. Приятель твой, Погуляев?

Кисельников. Нет.

Анна Устиновна. Неужли ж ты не помнишь приятеля своего, Погуляева? Учились вместе. Ведь он твой приятель.

Кисельников. Приятель, Погуляев? У меня один есть приятель, два есть приятеля.

Анна Устиновна. Так это не он тебе дал деньги?

Кисельников. Нет, он, он...

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Анна Устиновна. Погуляев?

Кисельников. Да. Вот деньги... Только он не Погуляев, он Грознов.

Анна Устиновна. Барин, сосед наш? Это богач-то?

Кисельников. Да, богатый, богатый! У!! Дом... всё лакеи, лакеи...

Анна Устиновна. За что же он тебе дал?

Кисельников. Он дома, а я на улице; он говорит: «Поди сюда!» Я пошел, пошел, на крыльцо иду, говорю: «Талан-доля, иди за мной, я буду счастлив, и ты будешь счастлив». Он и дал.

Анна Устиновна. Да за что, все я не пойму. Так, на бедность, что ли?

Кисельников. Да, на бедность. «Ты, говорит, в конуре живешь... И дочь, говорит, держишь в собачьей конуре... Вот, говорит, ей флигель, хороший, хороший. И тебе, говорит, и всем дам. Хочешь, говорит?» Я хочу, я пойду; вот я все возьму, я пойду. (Собирает вещи.) Я пошел. Талан-доля...

Анна Устиновна. Постой, Кирюша, не ходи.

Кисельников останавливается.

Лиза. Погодите, бабушка. (Кисельникову.) Как он сказал? Дочь твоя в конуре живет?

Кисельников. Да, в конуре... Ей, говорит, вот как надо жить, вот какой дом... она красавица.

Анна Устиновна. Что ж бы это такое значило?

Лиза. Подумайте, бабушка.

Анна Устиновна. Ума не приложу.

Лиза. Ну, так я вам растолкую. Это дело касается меня, одной меня.

Анна Устиновна. Тебя? Как же это?

Лиза. Я ему давно нравлюсь.

Анна Устиновна. Да ведь он женатый, у него жена в Петербурге.

Лиза. Ну, так что ж, что женатый! Эх, бабушка! Уж не пришло ли вам в голову-то, что он жениться на мне хочет! У него, говорят, сто тысяч дохода. При таких деньгах все купить можно.

Анна Устиновна. Ах, батюшки! Вот беда-то! Как же нам быть-то?

Лиза. Думайте, бабушка.

Анна Устиновна. Ох, не спрашивай ты меня, не спрашивай! Что мать, что бабка – обманщицы, лукавые поновщицы; на добро детей не учат, всяким их шалостям потакают. Вот я раз Кирюшу пожалела, не на добро его научила; словно как от тех моих слов и сталося. А грех-то на моей душе. Первые-то матери грешницы, первые за детей ответчицы.

Лиза. Кто ж меня, бабушка, на ум наведет? У кого же мне себе ученья искать, как мне на белом свете жить; что на свете хорошо, а что дурно? Молода ведь я, какие у меня силы, какой у меня разум!

Анна Устиновна. Ох, не знаю я! Ты у нас хозяйка, ты у нас большая. Думай сама об себе, как тебе лучше. Что я тебе посоветую! И там беда, и здесь беда.

Кисельников. Я все собрал, я пошел. (Надевает картуз.)

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Анна Устиновна. Погоди, Кирюша! Стара я стала, кости мои покоя хотят; теплую бы мне комнату да уход бы за мной! Да на тебя-то бы поглядела, на нарядную да на богатую. Ох, да не слушай ты меня, старую дуру, не слушай.

Лиза. Кто же мне теперь поможет! Стою я над пропастью, удержаться мне не за что. Ох, спасите меня, люди добрые! Бабушка, да поговорите со мной что-нибудь!

Входит Погуляев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Анна Устиновна, Лиза, Кисельников и Погуляев.

Лиза. Ах, как вы вовремя! Мне нужно совета спросить, а не у кого. Помогите мне!

Погуляев. Я за тем и пришел.

Анна Устиновна. Что ты, Лиза! Да разве говорят об этом посторонним людям?

Лиза. Значит, это очень дурно, коли не говорят.

Анна Устиновна. Что хорошего? Только крайность заставляет.

Погуляев. Да что такое?

Анна Устиновна. Уж не знаю, как и сказать вам. Барин богатый, сосед наш, дает нам даром квартиру и все; так вот мы и думаем, переезжать ли нам.

Кисельников (Погуляеву тихо). Он мне денег дал. Еще даст... много...

Погуляев (кивая головой). Ах ты, несчастный!

Лиза. Говорите со мной, он вас не узнаёт.

Погуляев (Лизе). Так вы моего совета спрашиваете?

Лиза. Что лучше – стыд или нужда? Стыд, говорят, скоро проходит, а нужда вечно точит, покоя не дает.

Погуляев. И то, и другое нехорошо.

Лиза. Это я знала и без вас. Хорошего у нас нет, мне его и не дожидаться, а вот из дурного-то что мне выбрать?

Погуляев. Я вам вот что посоветую: не думайте ни о том, ни о другом, а подите замуж за меня.

Лиза. Замуж? Вы не шутите?

Погуляев. Что за шутки!

Лиза. Мы так бедны, так несчастны, что с нами шутить грех.

Погуляев. Нет, я решился твердо. Давайте руку. (Берет ее руку.) Вот так! Я как ушел от вас, все ходил по улице да думал, вот и решился.

Анна Устиновна. Вот радость-то! Привел-таки меня Бог счастья дожидаться, не дал в горе умереть.

Погуляев. Оно, знаете ли, было бы гораздо лучше, если б вы меня любили. Ведь вы меня не любите, вы от нужды за меня идете.

Лиза. Все равно, ведь я никого не люблю. Вы меня умнее, вы сделаете так, чтоб я вас любила.

Погуляев. Как же это сделать?

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Лиза. А вот как: любите бабушку да не попрекайте нас бедностью.

Погуляев. Ну, так это просто.

Лиза. Да будто вы не знаете? Это вы нарочно спрашиваете. Вы гораздо лучше нас знаете.

Анна Устиновна. Скажите, батюшка, как это вас Бог надоумил?

Погуляев. Очень просто. Я всю жизнь жил один, это мне надоело; человек я одинокий, денег нажил – ну и стал подумывать, как бы семьей завестись; а тут вдруг вышел случай; думаю, чего ж мне лучше!

Кисельников (со слезами). Что ж вы меня не пускаете! Он теперь ждет, он говорил: «Ждать буду».

Анна Устиновна. Куда теперь идти! У нас Лиза замуж выходит.

Кисельников. За кого? За кого?

Анна Устиновна. Погляди за кого. Ведь это твой приятель.

Кисельников (кланяется Погуляеву). Здравствуйте!

Погуляев. Кирила Филиппыч, да погляди на меня хорошенько! Помнишь? Ну, помнишь Погуляева?

Кисельников. Я к барину пойду.

Погуляев. Ах, чудак! Да неужли ты забыл? Помнишь, учились вместе? Помнишь, в Нескучном саду гуляли? А помнишь, я у твоей жены на именинах был? Ну, а не помнишь – все равно, давай снова познакомимся. Давай руку. Ну, вот мы и приятели.

Кисельников (припоминая). Ты мне денег дал?

Погуляев. Вспомнил теперь?

Анна Устиновна. Хоть бы он немножко-то очнулся, хоть бы порадовался, бедный.

Погуляев. А ты на мои деньги тестю рому купил. Чудак ты этакой!

Кисельников. Мне Погуляев деньги дал.

Погуляев. Я Погуляев-то и есть.

Кисельников. А жена у меня умерла... умерла!...

Погуляев. Слышал, слышал. А на дочке вот я женюсь.

Кисельников (Анне Устиновне). Маменька! Лиза! Он женится?... Правда?

Анна Устиновна. Слава Богу, очнулся! Правда, Кирюша, правда.

Погуляев. Вот вы ко мне и переезжайте; будем жить все вместе.

Кисельников (подумавши). А я упал, обнищал, видишь. Под судом, брат, под судом за подлог, за подлость! А ты вспомнил нас, приютить нас хочешь; спасибо тебе...

Лиза. Папенька, благословите меня.

Кисельников. Господи, Господи! Не было мне счастья, весь век не было; авось на твою долю, Лиза, счастье выпадет. (Целует Лизу.)

Лиза (Погуляеву). А вы меня выучите такой работе, за которую много денег дают?

Погуляев. Да зачем вам теперь?

Пучина. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Лиза. А затем, чтоб помогать бедным девушкам. Много их в таком положении, в каком я была.

Входит Боровцов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анна Устиновна, Лиза, Кисельников, Погуляев и Боровцов.

Боровцов. Мир честной компании! Ну, брат Кирюша, с тебя спрыски. Что ты приуныл? Этакое тебе счастье, а ты нос повесил.

Кисельников. Да, счастье, счастье...

Боровцов. Да как же не счастье! Квартира будет хорошая, хлеб даровой; дочку пристроил; у богатого барина нужды знать не будешь. Одно слово – Грознов, – всю нашу Палестину купить может и выкупить.

Кисельников. Нет, не Грознов.

Боровцов. Да что ты отнекиваешься-то! Уж я, брат, знаю, торговал ты хорошо, барыши у тебя большие. Вот за это магарыч с тебя; веди в трактир, угощай чаем!

Кисельников. Погуляев! Ты возьми к себе матушку и Лизу, а меня не бери.

Погуляев. Отчего же?

Кисельников (тихо). Знаешь ли ты, кого ты пригреть хочешь?... Мы с тестем... мошенники! Мы все продали: себя, совесть, я было дочь продал... Мы, пожалуй, еще украдем у тебя что-нибудь. Нам с ним не жить с честными людьми, нам только торговать на площади! Нет! Ты нам только изредка когда давай по рублику на товар наш, больше мы не стоим.

Анна Устиновна. Что ты, Кирюша, что ты!

Лиза. Папенька, не оставляйте нас.

Погуляев. Что ты за вздор говоришь!

Кисельников. Нет, Погуляев, бери их, береги их; Бог тебя не оставит; а нас гони, гони! Мы вам не компания, – вы люди честные. У нас есть место, оно по нас. (Тестю.) Ну, бери товар, пойдем. Вы живите с Богом, как люди живут, а мы на площадь торговать, божиться, душу свою проклинать, мошенничать. Ну, что смотришь! Бери товар! Пойдем, пойдем! (Сбирает свой товар.) Прощайте! Талан-доля, иди за мной... (Уходит.)

1865

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!